

Реформа РАН: мнения, обсуждения

Из письма известного физика В. Захарова руководителю ФАНО М. Котюкову о путях развития российской науки (выдержки).

Ученые имеют самые разные специализации. Более того, не так легко найти двух подлинно крупных ученых, области научного поиска которых совершенно совпадают. Каждый сколько-нибудь яркий ученый имеет свою научную индивидуальность.

Наука интернациональна. Ученые, живущие в разных странах, часто занимаются близкими проблемами. Когда-то языком общения была латынь, сегодня им является английский. Особенного внимания заслуживает вопрос о научных журналах, издаваемых на русском языке. Их обязательно нужно переводить на английский язык и выкладывать в интернет, иначе опубликованные в них статьи для мировой науки просто пропадут.

Развитие науки непредсказуемо. Совершенно неизвестно, какие ее области, сегодня кажущиеся бесполезными, окажутся крайне востребованными завтра. Поэтому нельзя допускать, чтобы какие-то сектора науки были потеряны.

Необходимость поддержки всей науки в целом отнюдь не исключает грантовую систему. Грантовая поддержка совершенно необходима, особенно это касается тех областей, где в силу исторических обстоятельств российская наука отстает от мировой.

Оригинальность организации вовсе не причина для ее реконструкции. На Земле сосуществует и процветает множество форм жизни. Все дело в том, насколько эффективно данная система работает. Академическая организация науки, которая перенесла и двадцатикратное уменьшение финансирования в начале 90-х годов, и невданную массовую эмиграцию ученых, доказала свою жизнеспособность. В академические институты, особенно в последние годы, пришла научная молодежь. Последствия перестройки обнаруживаются в сегодняшних институтах в форме наличия в них «демографической дыры» — дефицита научных сотрудников в возрасте 40—60 лет. А это для ученых возраст еще очень большой научной активности. Этот факт и делает такой трудной в настоящее время замену директоров институтов по возрастному цензу.

Оценка мастерства и продуктивности научного работника — очень деликатное дело, требующее весьма квалифицированного подхода. Нельзя использовать чисто формализованный подход, например, число печатающихся автором статей. Некоторые попадают соавторами в значительные работы, в которые их вклад более чем скромный. Некоторые работают в столь узкой области знания, что ожидать на их статьи множество ссылок никак нельзя.

Наукометрию можно принимать во внимание, но нельзя абсолютизировать. Намного важнее оценка квалифицированного эксперта, а лучше — нескольких независимых экспертов.

Все сказанное показывает, какая огромная ответственность лежит на будущих действиях возглавляемого Вами ФАНО. Между тем состав Межведомственной комиссии по оценке результативности научных организаций, спущенный приказом Минобрнауки от 27 июня, мне кажется странным. Ученых высокого уровня там немного, в основном — администраторы от науки или просто администраторы.

В процессе оценки академических институтов должен выполняться главный принцип медицины — «не навреди!». Главное сегодня — это сохранить имеющуюся у нас науку, причем сохранить абсолютно все, что имеет ценность. Дать возможность этой науке активно разви-

ваться, обеспечить приток в нее молодежи. Если мы хотим быть цивилизованной страной, мы обязаны это сделать (www.ras.ru/news 30.07.14).

Из письма академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН академика В. Тишкова руководителю ФАНО М. Котюкову.

Первое. Да, есть единая мировая наука, и нет никакой отдельной российской математики или физики, как считает академик Захаров. Но есть и российская наука, вполне суверенная, самодостаточная, абсолютно востребованная российским обществом и признанная в мире. Речь идет об отечественной тематике, язык этой науки — русский, а не английский или какой-то еще другой.

Многие, если не большинство, западных «русистов» предпочитают читать наши труды на русском языке, а не на суррогате английского. На английском можно и, возможно, нужно писать и публиковаться, в том числе и гуманитариям, но труды по истории русского летописания, документальные архивные публикации, история России и ее народов, фольклорные и языковые штудии могут и должны быть только на русском. Или на языках народов России (например, бурятском, татарском или якутском), но с необходимым русскоязычным вариантом, чтобы обрести общенациональную и мировую доступность.

По этой причине среди показателей эффективности научного труда ученых Отделения историко-филологических наук (думаю, что со мною согласятся и многие представители социальных наук из двух других отделений РАН) должны быть работы, написанные на русском языке, а их переводы или оригинальные англоязычные публикации должны рассматриваться как дополнительные индикаторы в системе оценок.

Второе. Это о том, как в гуманитарной науке соотносятся журнальная статья и книга, будь это монография, сборник статей или другой коллективный труд. Здесь фундаментальное различие с математикой или с физикой состоит в том, что у гуманитария само изложение хода событий, описание артефактов, этнографическое описание, изложение фольклорного текста и т.д. имеют самоценное значение. В гуманитарной науке не может быть ситуации, чтобы единственная статья автора или одна формула стали открытием или переворотом в науке.

Монографии всегда были и остаются сегодня главной формой реализации научного труда ученого-гуманитария. Это общая картина по всему миру. В США по антропологии и этнологии каждые 60 минут публикуется новая монография. Во всех солидных зарубежных научных журналах по гуманитарной тематике номера журналов содержат 3—5 статей и 20—30 рецензий на опубликованные новые научные монографии. В лучших университетах профессора участвуют студентов не по учебникам, а по монографиям, предписывая им каждые две недели готовить рефераты по прочитанным книгам.

Что касается многотомных коллективных трудов, то это также не отрывки советского идеологического опыта.

По этой причине в перечне оценок эффективности труда ученого и научных коллективов гуманитарного профиля на первом месте должно стоять создание ученым монографических исследований и участие в коллективных трудах. В первых вариантах нормативных документов ФАНО этого показателя не было вообще! (www.ras.ru/news, 5.08.14).

Ни мира, ни войны
Своим мнением о реформе с корреспондентом «Поиска» делится председатель Сибирского отделения РАН, вице-президент РАН академик А. Асеев.

«...Катастрофы в науке не произошло, ФАНО старается исполнять основные положения ФЗ № 253, бюджетное финансирование идет. Конечно, это уже достижение, поскольку первый вариант закона о реформе носил название «О ликвидации РАН».

Однако «мира» — согласия и развития — тоже нет. ФАНО погружено в инвентаризацию имущества и составление регламентов работы институтов.

...Потери очевидны: все наши централизованные программы и проекты последних лет — по переоснащению оборудования, по взаимодействию с отечественными корпорациями и предприятиями высокотехнологичной промышленности и другие находятся в подвешенном состоянии, более того, отошли на второй план. Затормозилось продвижение двух мегапроектов — строительство Супер Чарм-тау фабрики в Институте ядерной физики и создание Национального геофизического центра в Институте солнечно-земной физики. Последний особенно значим — он необходим для контроля околоземного пространства.

К сожалению, наиболее сильный удар нанесен по регионам. Сегодня заторможены многие из наших региональных проектов: мы не успели создать Алтайский научный центр, хотя там все для этого готово, местные власти очень заинтересованы. В Бурятии, где среди институтов преобладала гуманитарная составляющая, организовать Институт физического материаловедения успели, а запустить на полную мощность — уже нет.

Так, у нас уже подписано соглашение по созданию Ямало-Ненецкого научного центра с «Газпромом» и администрацией ЯНАО, но представители ФАНО недоумевают, зачем надо развивать науку в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, и поддерживать такие начинания не спешат, хотя в этих регионах есть задачи, которые нужно срочно решать. Регионы без науки проигрывают и в плане инновационного развития. Мы всегда гордились консолидированной системой решения сложных проблем. Но сейчас уже набирают силу процессы разобщения, дезинтеграции и фрагментации.

Вопросы о жилищной программе для молодых не ставятся ни на уровне ФАНО, ни на уровне его территориального органа. Как будто нет этой важнейшей задачи, о необходимости решения которой по образцу Новосибирского академгородка с трибуны Общего собрания РАН говорил президент Путин.

В начале реформы речь шла о том, что, согласно ФЗ № 253, научно-организационное и научно-методическое управление институтами будет осуществляться РАН, а ФАНО возьмет на себя управление финансами и имуществом. Сегодня с реализацией этого постулата возникают сложности: фактически проводится мысль о сосредоточении всего руководства в одних руках. Например, в Положении о Сибирском территориальном управлении ФАНО Сибирское отделение РАН не упоминается, а Положение с нами даже не обсудили.

Эмблемой Сибирского отделения, как известно, является сигма — знак суммы усилий, интеграции. Сегодня ее надо вновь отстаивать — преодолеть ведомственную и территориальную разобщенность, объединять ресурсы, усиливать роль региональных отделений в интеграции научно-технической, образовательной и инновационной деятельности» (П № 31—32, 8.08.14).

Про деньги для науки
Среди все расширяющихся анти-российских санкций одной из самых болезненных областей называют ограничения в технологическом сотрудничестве. Об этом размышляет журналист С. Лесков в издании «Росбалт». Он напоминает, что летом 2014 года экс-министр образования и науки, один из вдохновителей инновационного курса А. Фурсенко, ныне советник Президента РФ, написал своему шефу пространное письмо, в котором признавал неудачность попыток поднять значение науки и прорваться к инновациям.

«Несмотря на существенное увеличение бюджетного финансирования науки, начиная с 2002 года, и ряд принципиально важных шагов, — пишет В. Путин А. Фурсенко, — российская наука по-прежнему не оказывает заметного влияния на развитие страны. Если в советское время, несмотря на активные действия наших конкурентов по сдерживанию науки в СССР, мы оставались конкурентоспособными по целому ряду направлений, то в настоящее время Россия практически полностью отказалась от собственных новых амбициозных проектов. Сохраняется зависимость от иностранной приборной базы, промышленная политика базируется в основном на зарубежных технологиях и оборудовании, большинство академических ученых в исследованиях ориентируются на приоритеты, сформулированные за рубежом, соглашаясь на вторые роли в международных проектах. Всё это существенно увеличивает риски влияния внешних факторов на стабильность социально-экономического развития страны» (полный текст письма — см.: trv-science.ru/2014/07/15).

Но как можно требовать от рыскающего резвого бега, если его не кормить? Финансирование российской фундаментальной науки составляет 0,16% ВВП. В США — 0,48%, во Франции — 0,56%, в Японии — 0,48%. Это только бюджетные средства, а есть еще могущая грантовая система, построенная на частных вложениях, которые практически отсутствуют в России. Защитники Академии доказывают, что на единицу вложенных средств полугодный российский ученый добивается большей научной результативности, чем сытые американские коллеги.

Неудивительно, что в России происходит неуклонное уменьшение числа ученых. В Японии на тысячу наемных работников приходится 10,2 исследователя; в Южной Корее — 11,9; в США — 9,5. В советское время наша страна соответствовала золотому соотношению — 9,9 исследователя на 1000 работников. Но теперь этот показатель упал до 6,3 с тенденцией к дальнейшему снижению. Зарплата кандидата наук и старшего научного сотрудника в академическом институте оскорбительно ниже заработка рядового продавца в универсаме. Знания упали в цене. И поэтому стрелы технологических санкций попадают в ахиллесову пята России.

Научно-технический прогресс стал решающим фактором военных конфликтов. Вице-премьер Д. Рогозин еще в 2013 году обратил внимание на принципиально новые достижения в оборонных технологиях в США. Однако оборонная тематика в Академии наук продолжает сокращаться, и санкции не повлияли на этот процесс. Призывы Рогозина к российским ученым совершить технологический прорыв напоминают лозунги с трибуны на первомайской демонстрации. Дело в том, что Академия наук почему-то пребывает в ведении вице-преьера по социальным вопросам (www.ras.ru/news/shownews 4.08.2014).

Наталья Притвиц